

ГАБРИЭЛЬ ГАРСИА МАРКЕС

ПРОКЛЯТОЕ ВРЕМЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.134.2-31(861)
ББК 84(7Кол)-44
Г20

Серия «Эксклюзивная классика»

Gabriel García Márquez

LA MALA HORA

Перевод с испанского *С.А. Маркова*

Серийное оформление *Е.Д. Фerez*

Печатается с разрешения Stars and Movies Copyright B.V.
и литературного агентства Agencia Literaria Carmen
Balcells, S.A.

Гарсиа Маркес, Габриэль.

Г20 Проклятое время : [роман] / Габриэль Гарсиа Маркес ; [пер. с исп. С.А. Маркова]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 256 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-097465-8

Макондо — маленький городок, ставший в произведениях Маркеса символом латиноамериканской провинции. Здесь чудеса и необъяснимые события так же привычны, как ссоры и примирения между супругами, измены и тайные страсти. Здесь все обитатели одновременно любят и ненавидят друг друга. Здесь каждый день случается многое — и в то же время не происходит ничего.

Но однажды все меняется. Кто-то снова и снова развешивает на стенах домов листовки, где в живописных подробностях рассказывает о грехах и пороках горожан.

Теперь тайное и впрямь становится явным. И ход событий уже не остановить...

УДК 821.134.2-31(861)
ББК 84(7Кол)-44

© Gabriel García Márquez, 1962

© Перевод. С.А. Марков, 2012

ISBN 978-5-17-097465-8 © Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Падре Анхель степенно приподнялся и сел. Потер костяшками пальцев веки, откинул вязаную москитную сетку и замер на своей голой циновке, приходя в себя после сна и думая о том, какое сегодня число и день каких святых. «Вторник, четвертое октября»; и тихо молвил:

— Франциск Ассизский.

Священник не умылся, не помолился, а сразу приступил к одеванию. Крупный, краснощекий, монументальной статью напоминающий быка идвигающийся, как укрощенный бык, — медленно и угрюмо. Кончиками пальцев он ощупал пуговицы сутаны с привычностью музыканта, бегло проверяющего строй инструмента. Падре отодвинул засов и распахнул дверь в патио. Под дождем склоненные туберозы напомнили ему слова песни.

— «Разольется от слез моих море», — со вздохом проговорил он.

Его дом соединяла с церковью крытая галерея, вымощенная неплотно подогнанными

плитами, октябрьская трава пробивалась в щелях между ними. Вдоль стен галереи стояли горшки с цветами. Прежде чем идти в церковь, падре Анхель зашел в уборную. Пытаясь не вдыхать аммиачный запах, столь удушливый, что заслезились глаза, обильно помочился. Вернувшись в галерею, вспомнил: «Унесет меня в море грез твоих». Когда он входил в узкую заднюю дверь церкви, на него пахнул аромат тубероз.

Внутри скверно пахло. Неф, выходящий на площадь, был длинный, также вымощенный неплотно подогнанными каменными плитами. Падре Анхель прошел прямо в звонницу. Обратив внимание на гири часов высоко над головой, подумал, что завода хватит еще на неделю. Его окружили москиты. С размаху саданул себя ладонью по затылку, прихлопнул москита и вытер руку о веревку колокола. Словно в ответ, вверху раздался утробный скрежет мудреного механизма, а вслед за ним — глухие, глубокие, как будто звучавшие в его собственной утробе удары, отбившие пять часов.

Священник подождал, пока растает эхо последнего удара, взял веревку, намотал ее на кисть правой руки и с воодушевлением ударил в треснувшую медь колоколов. Ему исполнился шестьдесят один год. Звонить в колокола каждый божий день ему было уже

тяжеловато, но он сам неизменно созывал прихожан на мессу, и эти усилия только укрепляли его дух.

Тринидад вошла, приоткрыв тяжелую парадную дверь, когда колокола еще звонили, и проследовала в угол, где накануне вечером расставила мышеловки. Там она увидела зрелище, вызвавшее в ней одновременно и восторг, и отвращение.

Из первой мышеловки двумя пальцами она взяла мышь за хвост и бросила в большую картонную коробку. Падре Анхель полностью отворил дверь на площадь.

— Утро доброе, падре, — сказала Тринидад.

Его красивый баритон не прозвучал в ответ. Безлюдная площадь, дремлющие под дождем миндальные деревья, весь городок, неподвижный в безрадостном октябрьском рассвете, пробудили в нем ощущение одиночества. Однако, когда слух его привык к шуму дождя, он различил кларнет Пастора, звучащий чисто, но как-то призрачно, с противоположной стороны площади. Падре наконец ответил на приветствие и добавил:

— Пастора не было с теми, кто пел серенаду.

— Не было, — подтвердила Тринидад, наклоняясь к коробке сдохшими мышами. — Он был с гитаристами.

— Распевали какую-то глупую песенку часа два, — сказал падре. — «Разольется от слез моих море» — так вроде?

— Это новая песня Пастора, — сказала Тринидад.

Будто замороженный, священник стоял перед распахнутой дверью. На протяжении многих лет он слышал игру Пастора, который ставил табуретку к подпорке голубятни, метрах в полутора от церкви, и каждый день в пять утра садился упражняться на своем инструменте. Казалось, у городка был некий механизм, заведенный на неизменную, последовательную точность: сначала, в пять утра, бой часов — пять ударов; вслед за ними — звон колокола, зовущего к мессе, и, наконец, кларнет Пастора в патио его дома, очищающий ясными и прозрачными нотами воздух, насыщенный запахом голубиного помета.

— Музыка отменная, — снова заговорил падре, — а слова глупые. Как ни переставляй, все одно: «Разольются от слез моих грезы, унесет тебя в море мое».

Довольный собственным остроумием, он повернулся и пошел зажигать свечи.

Тринидад последовала за ним. На ней был белый халат до пят с длинными рукавами и голубой шелковой лентой — признаком светскости. Черные глаза под сросшимися на переносице бровями сверкали, как угольки.

— Бродили тут всю ночь, — сказал падре.

— У дома Марго Рамирес, — рассеянно сказала Тринидад, встряхивая коробку с мышами. — Сегодня ночью было кое-что похлеще серенад.

Остановившись, падре направил на нее невозмутимый взгляд своих тускло-голубых глаз.

— Что было?

— Бумажки, — сказала Тринидад, не сдержав нервический смешок.

В это время, через три дома от церкви, Сесару Монтеро снились слоны. В воскресенье их показывали в кино, но за полчаса до окончания сеанса хлынул ливень, не дав досмотреть фильм, и теперь он продолжал крутиться во сне.

Сесар Монтеро привалился к стене всем грузным телом, а тем временем насмерть перепуганные туземки врассыпную панически удирали от слонов. Жена слегка пихнула его во сне, но ни она, ни он не проснулись.

— Уходим, — проворчал Сесар Монтеро, вернулся в прежнее положение и вдруг проснулся — в то самое мгновение, когда колокол к мессе звонил второй раз.

Дверь и окно в комнате затягивали проводные сетки. Окно выходило на площадь, оно было задернуто гардиной из кретона в желтых цветочках. На ночном столике стояли порта-

тивный радиоприемник, настольная лампа и часы со светящимся циферблатом. У стены напротив высился огромный шкаф с зеркальными дверцами.

Кларнет Пастора Сесар Монтеро услышал, уже надевая ботинки для верховой езды. Шнурки из грубой кожи задубели от грязи, он потянул их с силой, медленно пропуская сквозь сжатый кулак, кожа на ладонях у него была еще жестче, чем шнурки. Он принялся искать шпоры, но под кроватью их не оказалось. Продолжил одеваться в полутьме, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить жену. Застегивая рубашку, посмотрел на часы и продолжил поиски шпор под кроватью. Он нагнулся, пошарил рукой, потом встал на четвереньки и заглянул под кровать. Жена проснулась.

— Ты что ищешь?

— Шпоры.

— За шкафом висят, — сказала она. — Ты их туда повесил еще в субботу.

Она отдернула москитную сетку и зажгла свет, а он со смущенным видом поднялся на ноги. Массивный, с квадратными плечами, он двигался легко, хотя подметки его сапог были тяжелыми и негнушимися, словно из дерева. В здоровье его было нечто звериное. Определить возраст Сесара Монтеро было невозможно, однако морщины на шее выдавали

шестой десяток. Он сел на кровать и принялся привинчивать шпоры.

— Льет как из ведра, — сказала жена, ощущая своими тонкими, как у подростка, костями впитанную за ночь сырость. — Я как губка, впитавшая воду.

Субтильная и угловатая, с длинным острым носом и вечно сонным взглядом, она посмотрела на гардину, точно пыталась разглядеть сквозь нее дождь. Сесар Монтеро наконец пристегнул шпоры, встал и несколько раз приотпнул ботинками — звон медных шпор отозвался во всем доме.

— Ягуар в октябре жиреет, — сказал он.

Но, замороженная звуками кларнета, жена его не слышала. Когда она снова на него посмотрела, он, с широко расставленными ногами, наклонив голову перед шкафом, причесывался. В зеркале он не помещался.

Негромко она напевала мелодию Пастора.

— Они бренчали это ночь напролет, — сказал он.

— Очень красивая мелодия, — отозвалась жена.

Женщина сняла с изголовья кровати ленту, собрала волосы на затылке, вздохнула и, уже совсем проснувшись, промурлыкала: «В твоих снах я остаюсь до самой смерти». На это муж не обратил внимания. Из ящика шкафа, где хранились какие-то украшения,

женские часики и авторучка, он взял бумажник с деньгами, вынул из него четыре банкноты и снова положил бумажник на место. Потом сунул шесть ружейных патронов в карман рубашки.

— Если ливень не пройдет, в субботу не приеду, — сказал он жене.

Открыл дверь в патио, остановился на пороге, вдохнул хмурый запах октября и стоял там, пока глаза не привыкли к темноте. Сесар Монтеро уже собрался закрыть за собой дверь, когда в спальне зазвонил будильник. Жена слезла с постели. Он стоял, держась за задвижку, пока жена не заставила будильник смолкнуть, взглянул на нее в первый раз за все это время, размышляя о чем-то своем.

— Ночью во сне я видел слонов, — сказал он.

Закрыл за собой дверь и пошел седлать мула.

Дождь усилился перед третьими колоколами. Порыв ветра, как будто взметнувшийся с земли, сорвал с миндальных деревьев на площади последние сухие листья, фонари погасли, но двери домов по-прежнему были наглухо закрыты. Сесар Монтеро въехал на муле под навес кухни и, не слезая с седла, крикнул жене, чтобы она принесла плащ. Он стащил с себя двустволку, висевшую у него за спиной,

и закрепил ее ремнями перед седлом. Жена принесла плащ.

— Дождешься, может, пока перестанет? — неуверенно спросила она.

Молча он надел плащ и кинул взгляд в патио, на дождь.

— Не перестанет до декабря.

Взглядом она проводила его до конца галереи. Дождь с шумом рушился на ржавые листы крыши, но Сесара Монтеро это не остановило. Он пришпорил мула, и ему пришлось наклонить голову, чтобы, выезжая из патио, не удариться головой о косяк.

Дробинки капель с карниза падали на его плечи и расплющивались. Не оборачиваясь, он крикнул с порога:

— До субботы!

— До субботы, — отозвалась она.

На площади единственной открытой дверью была дверь церкви. Сесар Монтеро посмотрел вверх и увидел небо, тяжелое и низкое, в каком-нибудь полуметре над головой. Он перекрестился, снова пришпорил мула и, подняв его на дыбы, заставил покружиться, пока тот наконец не обрел устойчивость на скользкой, как мыло, земле. Тогда-то он и увидел листок, приклеенный к его двери.

Не слезая с мула, он прочитал его. От воды написанное поблекло, но все же слова из вы-

веденных кистью жирных печатных букв прочитать было можно. Сесар Монтеро поставил мула вплотную к стене, сорвал листок и разорвал его в клочья.

Хлеща мула уздечкой, он погнал его мелкой ровной рысцей, рассчитанной на многочасовой путь. С площади он углубился в узкую кривую улочку, вившуюся между глинобитных домов, двери которых открывались и выпускали жар сна. Откуда-то потянуло запахом кофе, и только когда последние дома городка остались позади, он повернул мула и все той же мелкой и ровной рысцей повел его назад, к площади. Остановил его около дома Пастора. Там он неторопливо слез с седла, отвязал ружье и привязал мула к подпорке стены. На двери не было засова, лишь одна толстая большая пружина. Сесар Монтеро вошел в маленькую полутемную гостиную и услышал высокую ноту, за которой последовало напряженное безмолвие. Прошел мимо окруженного четырьмя стульями небольшого стола; на шерстяной скатерти стояла ваза с искусственными цветами. Наконец, остановившись перед открытой в патио дверью, он откинул с головы капюшон плаща и спокойно, почти дружелюбно позвал:

— Пастор!

В дверном проеме появился Пастор, сухощавый, прямо державшийся юноша с ровно

подстриженным ножницами молодым пуш-ком на верхней губе; он как раз отвинчивал мундштук от кларнета. Увидев перед собой решительно стоящего Сесара Монтеро с на-правленным на него ружьем, он беспомощно открыл рот, но ничего не смог сказать, а только побледнел и слабо улыбнулся. Сесар Монтеро поплотнее уперся ногами в земляной пол, пристроил приклад к бедру и, каменно сжав челюсти, надавил на спусковой крючок. Дом содрогнулся от выстрела; извиваясь, как червь, по ту сторону порога в водовороте мел-ких птичьих перьев судорожно полз Пастор; оказался он там до или после выстрела — этого Сесар Монтеро сказать не мог.

В тот момент, когда прогремел выстрел, алькальд только-только начинал засыпать. Из-можденный зубной болью, он провел без сна уже три ночи кряду. На рассвете, когда зазвонили к мессе, он принял восьмую таблетку. Боль слегка стихла. Монотонный стук дожде-вых капель по цинковой крыше помог заснуть, однако и во сне он чувствовал: зуб хотя и не болит, но все же пульсирует. Утренний вы-стрел разбудил алькальда, и он сразу схватился за пояс с патронташами и револьвером, кото-рый всегда клал на стул слева от гамака, чтобы в любой момент можно было дотянуться. Не слыша ничего, кроме шума дождя, он подумал,

что выстрел ему приснился, и в этот момент зубная боль вернулась.

У него был небольшой жар, и когда лейтенант взглянул в зеркало, то обнаружил, что щека распухла. Он открыл баночку вазелина с ментолом и натер им опухшую щеку, затвердевшую и небритую. Сквозь дождь до него донеслись издалека голоса. Алькальд вышел на балкон. Из домов выбегали люди, некоторые — полураздетые, и все бежали по направлению к площади. Какой-то мальчик повернул к нему голову и, взметнув руки, прокричал на бегу:

— Пастор, Пастор убит! Сесар Монтеро убил!

На площади Сесар Монтеро вращался на одном месте, наставляя дуло ружья на окружившую его толпу. Алькальд с трудом узнал его и тогда, левой рукой вытащив из кобуры револьвер, двинулся к центру площади. Люди расступались, давая ему дорогу. Из бильярдной выскочил полицейский с винтовкой и прицелился в Сесара Монтеро. Алькальд негромко крикнул ему:

— Не стреляй, сволочь!

Сунув револьвер в кобуру, он вырвал у полицейского винтовку и, готовый в любое мгновение открыть огонь, продолжал свой путь к середине площади. Люди прижимались к стенам.

— Сесар Монтеро, — крикнул алькальд, — отдай ружье!

Только обернувшись на голос, Сесар Монтеро увидел алькальда. Тот держал палец на спусковом крючке, но не стрелял.

— Сам возьми! — крикнул ему Сесар Монтеро.

На мгновение алькальд убрал с винтовки правую руку и вытер пот со лба. Он двигался, выверяя каждый шаг, палец по-прежнему лежал на спусковом крючке, взгляд был прикован к Сесару Монтеро. Внезапно остановившись, алькальд сказал дружелюбно:

— Оружие на землю, Сесар, хватит глупостей!

Сесар Монтеро попятился. Алькальд стоял, замерев, с пальцем на спусковом крючке, пока Сесар Монтеро не выпустил ружья из рук и оно не упало на землю.

Тут только алькальд заметил, что на нем пижамные штаны, что он мокрый от дождя и пота и что зуб не болит.

Стали открываться двери домов. Двое полицейских с винтовками побежали к середине площади, за ними устремилась толпа. На бегу они пугали людей дулами винтовок и кричали:

— Назад!

Алькальд, ни на кого не глядя, почти не повышая голоса, приказал:

— Разойдись!